

ЭСТАФЕТА ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Министру культуры
Татарской АССР
Б. М. ГИЗАТУЛЛИНУ

Уважаемый Булат Миннуллович!

Когда в «Советской культуре» была опубликована статья Т. Хаюлаевой «Эстафета», я решил, что должен ответить.

Я помню, дорогой Булат Миннуллович, как мы с вами, когда мы были еще работниками Казанского областного театра, разговаривали о творческой молодежи, учившейся в стенах крупнейшего Татарского училища им. М. С. Шейнмана, или с приходом шефничества мы с вами в обновленном Татарском академическом театре им. Камала, помню, как мы посещали училище — и все это заставляет меня верить, что вы большой друг нашей молодежи и не в коем случае не допустите, чтобы еще в одной группе по призыву наследству лавры горных эстафет «гитисовцы».

Пять лет руководства татарской студией, труд и частичка сердца, вложенные в воспитание учеников, не могут оставить меня спокойным за судьбу выпускаемой нашей училищем молодежи! Вот я и обращаюсь к вам.

Я трижды выезжал со студийцами в Казань и за это время достаточно общался с руководителями Театра им. Камала, видел и в достаточной мере научил атмосферу творческой жизни театра. Мне всегда бесконечно отрицательны отзывы товарищей и молодежи, нечеткость в недовольстве по многим вопросам.

Уже тогда мне было жалко будущие моих учеников.

Я целиком и полностью подпадаю под страдания статьи «Эстафета». Вспомню, где в такте статьи говорится о встрече театра с гитисовцами, «гитисовцев можно в равной мере заменить щепинцами».

Я позволю себе обратиться еще вниманием к статье на то, о чем и мы не раз говорили с вами: «мы и гитисовцы (иногда щепинцы)» превозносили собой много того, чего не знали мы (наше время) — лишь мы не учились гитисовцам размышлению над ролью, ученично создавать образ психологически. Им позволено в театре не только пройти спокойно и бесстрашно, они должны были обогатить и гитисовцев (щепинцев), и сам театр. Но для этого театру нужно было, во-первых, работать с молодежью, а, во-вторых, в процессе работы самому некто перестраиваться. А театр этого делать не захотел.

А ЧТО ОЖИДАЕТ НАС?

Уважаемая редакция!

Нельзя спокойно писать это письмо, поэтому простите меня, пожалуйста, за неудачные обороты речи.

Мне двадцать один год. Свою жизнь я решил связать с театром. И когда узнал, что в 1961 году в Казани откроется театральное училище, я поехал туда. Знакомые сделали успехи, и радость поступления сгладила все первые трудности. Занятия начались в тесных помещениях: татарской группы — в кабинете директора Театра им. Камала, русской — в малейшей комнатке одной из пристроек Казанского большого драматического театра. Две группы одного училища — мы жили в километры друг от друга, совсем не общались, но не теряли надежды, что когда-нибудь мы все-таки будем вместе, создадим училищную комсомольскую и профсоюзную организации и начнем, наконец, дружную жизнь. Мы знали, что как-то сумели устроиться на квартиру, за которые платим, правда, по десять-пятнадцать рублей в месяц. Ничего, утешаем мы себя, многие мастера театра тоже жили так.

Но хочется говорить сейчас о другом, самом главном, что и заставляет меня написать это письмо.

С большим интересом и вниманием прочитал я в своей татарской группе статью Т. Хаюлаевой «Эстафета». Она задела нас за живое. Ведь вопросы, поставленные в ней, касаются и нас, хоть там ни о чем и совсем о нас не упоминали. А жалко! Автору статьи надо было бы попутно заинтересоваться и жизнью нового театрального училища.

Для конкретности буду говорить лишь о своей группе.

Вот я и думаю, что театру ничего делать в Казани не стоит!

Он продолжает держаться, как раньше, ищет статью, как свои штаты, безуспешно, что является естественным следствием равнодушия и апатии. В театре есть люди опытные и принципиальные студенты, как Х. Абилев, но многие уже бегут свободно и нового, неудержимого дуновения на смену косности. Отдельные работники пытаются за свои познания, за раба и навсегда установившееся в театре мнение. Руководство дает пор не собою нужным авторитетом и власти в репертуар выпускаемые спектакли щепинцев, получившие в своем признании казанской общественности. Разве при наличии доброй воли, при наличии деловой заботы о репертуаре театра, о развитии театра вперед это могло бы произойти?

Несколько лет в Казани, как писал в гитисовцев в своем письме в Министерство культуры РСФСР покойный А. Д. Попов, зараженный и нездоровой тенденцией!

Получившие мной из Казани от отдельных моих учеников письма очень меня тревожат и возмущают на весьма грустные мысли. Несмотря на то, что многие выпускники уже кое-что сыграли (и даже центральные роли), несмотря на то, что некоторые из них вошли в общественные организации театра, многие получили дипломы, а я не могу быть спокойным. Ведь в каждом письме есть еще и настроение, которое читается между строк. И ощущается, что и мои воспитанники, в основе своей молодые, здоровые, стоящие на правильных творческих позициях, начинают потихоньку устывать рутинно. Писемники и творческие алтари закрываются в них из-за какой-то безразличности в волнительных театрах, из-за отсутствия чувств лавы и взаимопонимания.

В статье «Эстафета» обвиняется и сам гитисовцы в том, что они борются в одиночку. Нет ли у сильных театра светлых мыслей и щепинцев замутиться по частям?

Верю, что в моему письму вы отнесетесь со всем вниманием. Примите от меня сердечный привет.

С уважением

М. ГЛАДКОВ,

доцент Татарского училища им. М. С. Шейнмана, режиссер Малого театра.

КАЗАНЬ

Татарский академический театр им. Камала

Дорогие товарищи!

Я обращаюсь ко всему коллективу театра, к вам и к гитисовской советской молодежи. Перед началом разговора я хочу напомнить слова, которые делал строителей нового общества человек человеку — друг, товарищ и брат. Только с этих позиций я буду говорить с вами. Только с этих позиций ведите разговор по линии к вам.

Многие в театре очень уважают Казань. Значит, бывшая ученица Гаузер Ниналовна. Двадцать лет тому назад она пришла в Татарский академический театр им. Камала. Эти двадцать лет были очень трудными, одни за другими гитисовцы в театре. Но Гаузер была упорной — она любила театр и боролась за свое право остаться в нем. И вот этим летом ей тоже пришлось покинуть его. Гаузер спрашивала меня, как старого товарища, воспитанного в театре, что теперь делать?

Чем я могла ей помочь? Я сказала: «Ворси». Я знаю много авторов, но особенно много борьбы, и в уважении тех, кто, что ты не такая».

Мне было тяжело познать свое бессилие. Но, как и думала, утро вечера мудренее. Утром я решила, что ведь все очень просто. Я должна отработать гитисовцев, чтобы они не ушли. Гитисовцы, если не уйдут, то и уйдут, но не так, как раньше. Я должна познать и в спрашиваю вас: не могу ли я, как педагога, подготовить на один сезон авторов, успешно работающих в театрах страны: раз уж так плохо и бесценным были мои ученики, что почти всем им пришлось покинуть театр!

Мне иногда обманывают в простирании и своем ученикам. Да, я люблю их, но не само и безразлично. Я знаю их достоинства и недостатки. И знаю,

театр, что они могут приносить много в театре и достаточно его оправдать. Мне тяжело сейчас видеть, как они уходят, мы отдаем людям того, что могли бы отдать.

Я думаю, что вы, товарищи из Театра им. Камала, совершили ошибку, позволив уйти многих молодых людей. Эти молодые часто спорили с вами, со мной не соглашались, но ведь это и хорошо, потому что молодость спорит с вами, любит театр и искусство, потому что в этих спорах было заложено движение вперед.

Люди различных профессий — инженеры, физики, биологи — работают за нами, они вырабатывают молодость, оберегают ее, как свое будущее. А нам что? Мы ищем способы, как от них избавиться.

Почему вы отталкиваете? Вам трудно принять ошибку? Я ставлю в этом отношении замечательных людей, с которыми приходится работать. Константин Саргисович Станиславский на репетициях часто спрашивал нас, актеров: «А как там работает, может быть, я ошибаюсь? Можем быть, я ошибаюсь».

Но, может быть, причина в том, что мы не хотим, чтобы они ушли. Мы хотим, чтобы они остались, но только правильно? Кто заселя в нас эту упорную и жесткую убежденность в своей беззастенчивости и непогрешимости?

Пронизало что-то очень неприятное, но не совсем неприятное. Как педагог, как актриса, я обращаюсь к вам, товарищи из Театра им. Камала: познать мою трагедию, и заручиться ею — люди стоят того, чтобы о них думать, заботиться, переживать! Стоит нашим коллегам и труда.

О. ПЫЖОВА,

профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР и Татарской АССР.

Мне иногда обманывают в простирании и своем ученикам. Да, я люблю их, но не само и безразлично. Я знаю их достоинства и недостатки. И знаю,